

НИКИШИН АЛЕКСАНДР

16+

КЕНГУРУ
НА
ФРЕСКАХ

Александр Павлович Никишин

Кенгуру на фресках

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48790928

SelfPub; 2019

ISBN 978-5-532-08332-5

Аннотация

Сборник научно-фантастических рассказов, в которых описываются приключения в космосе, на других планетах, а также фантастические приключения на Земле в различные исторические эпохи. Несколько рассказов содержат элементы фэнтези. Юмор, лирика, детектив, ирония и философские размышления присутствуют в приемлемых и достаточных количествах. Как фантастично, так и правдоподобно.

Содержание

Над Солнцем	4
Вампи	49
Поцелуй на прощание	74
Конец ознакомительного фрагмента.	83

Над Солнцем

Совещание проходило бурно, но впустую. На конкретные вопросы капитан получал более чем расплывчатые ответы, смысл которых сводился к тому, что все фифти-фифти или, другими словами, «всё в руке Божьей».

Так не годилось. Это означало, что спросить не с кого и всё зависит лишь от прихоти светила.

На светило, то бишь, на Солнце, до которого рукой дотянуться, можно пенять сколько угодно. Проглотит и не заметит.

Солнце! Солнце! Великое светило, ближайшая звезда и желтый карлик в одной ипостаси. Расстояние от тебя до Земли – восемь минут полета светового луча или двести миллиардов шагов. Столько для простого смертного, вздумай он тронуться в дорогу, слагает путь неодолимый. Сердце за всю жизнь набивает лишь две сотых от этого числа ударов.

Когда-то ты было богом, и инки поклонялись тебе, именуя себя твоими сынами. Канули в лету гордые сыны, но солнце продолжает свой путь. И все суета сует под ним.

Была под ним...

Прогресс в науках и астронавигации теперь позволяет суетиться в непосредственной близости. Если сыны лучезарного бога ожидали лишь милости его, то нынешние солнечные безбожники сами берут их у него.

Был такой анекдотичный случай, когда физик Киргоф, рассказывал о том, что анализ линий спектра солнца указывает на наличие на нем золота, какой-то бизнес-воротила иронично высказался по этому поводу, что, мол, какой с него, с такого золота толк, если его невозможно оттуда достать. В ответ Киргоф вынул из кармана золотую медаль, которой был награждён, в том числе и за это открытие, повертел перед носом богатея и сказал: «А я достал!»

История забавная, но послужила прологом к созданию весьма серьезной индустрии – прямой разработки солнечных ресурсов, бизнеса крайне рискованного и дорогостоящего, но весьма прибыльного.

Принцип, однако, прост. Как рыбалка. Забрасываешь удочку с наживкой на крючке и выуживаешь соответствующую добычу. Если наживка малёк – значит хищника, вроде окуня или судака, если хлебный мякиш – то вегетарианца, вроде плотвы или красноперки. Была бы в пруду рыба, а добыть её дело техники. Вернее технологий.

Нынешние технологии позволяют рассматривать Солнце как гигантский пруд, в котором густо плещутся золотые рыбки. Это лишь образ, но за ним стоит тот факт, что человек в поисках ресурсов добрался уже и до Солнца. Оно ныне не только источник тепла и света, но и неисчерпаемый, в рамках человеческого понимания, рудник.

Солнце в основном состоит, общеизвестно, из водорода и гелия, но не на все сто. Какие-то доли процента от общей

солнечной массы составляют остальные элементы таблицы Менделеева. Крохотные доли в солярном масштабе, но для человека это тератонны в квадрате или кубе вещества из которого можно добывать сколь угодно золота, серебра, платины, титана и прочего, не боясь, что разработка истощится и нужно будет искать новое месторождение. Не на веку человечества, во всяком случае.

Но во всем, в том числе и в этом деле, существуют определенные трудности. Забросить плазменную ловушку в огненное марево протуберанца и выудить осевший, как кристаллы соли на ниточке, улов, сообразный настройкам плазменного разряда – дело самое легкое. Гораздо труднее найти, а еще лучше предсказать и дожидаться всплеска эруптивного протуберанца. Протуберанца-взрыва, самого насыщенного элементами. Да еще и не всякий такой годится. Слишком мощный – опасность сгореть в плазму. Слишком низкий – не дотянуться, а попытаешься – начнётся неотвратимое падение и не хватит никакой тяги, чтобы сбросить пути гравитации. Во всяком случае, пока не изобрели ещё таких мощных двигателей, чтобы убежать от Солнца. Чересчур рискованно светило не щадит. Опуститься ниже критически допустимой орбиты равносильно самоубийству. О тех, кто сгинул из-за того в хроносфере, официально сообщают как о пропавших без вести, хотя, на самом деле, это, по сути, бессмысленность. Так устроен человек, который верит, что надежда умирает последней и не может, не хочет понять, что здесь кончаются

её пределы. Наяву. А не у эфемерных врат Дантова ада, созданного лишь силой человеческого воображения.

Капитан выдерживал паузу. На измор. Все знали, что с ним не отмолчишься. Заговор молчания против такого было делом заведомо провальным. Будь он за столом кабинета, его взгляд поочередно переходил бы с одного лица на другое, считывая рельефные картины напряженности мышц. У него была редкая способность узнавать по лицу, того, кто готов сдать. Отыскивать слабое звено. Стоило лишь пристально всмотреться дольше обыкновенного в лицо обреченного на откровение человека, как тот начинал говорить. Вначале лепетал что-то не относящееся к делу, а затем, переходил к монологу по существу, с многочисленными ссылками на ближних своих. Ближние заглатывали крючки и начиналось что-то вроде цепной реакции. Все суетливо выгораживали себя и обличали прочих. Так как каждый знал о другом, возможно, больше чем тот о себе сам, начинала вырисовываться картина реального состояния дел. И всё, таким образом, оказывалось под контролем. Под его контролем

Здесь было все по-иному. Нельзя было собраться вместе. И не было стола.

Каждый член экипажа был физически изолирован от других толстыми стенами индивидуальной капсулы. Из-за них корабль походил на виноградную гроздь под зонтиком-отражателем. Между капсулами не было никакого сообщения, кроме виртуального. Специфика солнцедобычи требует ком-

плектования экипажей из специалистов дефицитных профессий высокой квалификации и подходящего для космических перелетов здоровья. Здесь и речи не идет хотя бы о минимальной психологической совместимости реальных личностей, составлявших коллектив. Приходилось облачаться в оболочку персонажей, разработанных психологами каждому в зависимости от индивидуальных особенностей личности, чтобы в создавшемся подобии карнавала гасились мотивы межличностной агрессии. Накопившаяся для разрядки энергия направлялась в многочисленные, порой сложные и запутанные, виртуальные игры, в которые играли как все сообща, так и в составе то и дело возникающих и распадающихся в коллективе групп.

Путь от Земли к Солнцу длится полтора года. Полтора года на обратный путь. Еще полгода на околосолярической орбите, откуда Меркурий виден как полная луна в безоблачную ночь. Если не управиться за полгода Земля уйдет с перигея и придется болтаться на орбите еще полгода в ожидании. Законы небесной механики диктуют свою непререкаемую волю. Свободного времени оказывалось больше чем достаточно.

Никто не знал друг о друге ничего, кроме его персонажа, зачастую не единственного, и его специализации. По ней они и именовали друг друга—соляролог, плазмотехник, навигатор, расчетчик, капитан.

Персонажи были немного комичны, но, по большей части

нейтральны и не раздражали. Клоуны; напомаженные щеголи 18-го века в париках и в масках-лорнетах; персонажи пекинской оперы; индейцы-сиу в боевой раскраске и в своих знаменитых головных уборах из перьев; плюшевая, в основном мишки и зайчики, живность. Все были настолько живописны, насколько безлики и бесполы.

Капитан обычно пребывал в образе гольфиста, играя в бесконечную партию с навигатором и техником, наряженными подобающим образом, с непременно атрибутами – кепи с козырьками, скрывавшими лица и солнцезащитными очками макартурами.

Для него, единственного, делалось исключение. Ему дополнительно придавались два агрессивных образа : первый – закованный в латы кентавр , второй – громадная горилла-альбинос с приторно-красными , как клюква, глазами, угрюмо смотрящими исподлобья. Их-то капитан и приберегал именно для подобных случаев. Это было, пожалуй, лучше, чем заседание за столом

Сейчас интерес его сконцентрировался на тройке солярологов, которые были обряжены в костюмы венецианского карнавала. Они же видели капитана в образе игрока в гольф, с сигарой во рту. Клубы сизого дыма создавали нечто вроде вуали, за которой терялись черты лица.

– Я снова спрашиваю вас, господа солярологи, куда и когда мы должны лететь? Времени до перегея осталось совсем ничего, а мы до сих пор без улова. Неужели вам так хочется

ещё полгода вертеться на орбите.

В ответ – молчание.

– Я понимаю, что вы о Солнце знаете гораздо больше простого смертного и вам нужно время, для того, чтобы дать ответ. Только загвоздка в том, что времени-то нет!

– Мы не уверены... – Слабый взглас прозвучал, словно шелест листьев.

Капитан не смог увидеть на экранах, кто это сказал, так как белые, алебастровые маски, скрывавшие их лица, скрыли движение губ сказавшего, но электроника выдала проговорившегося с головой всплеском индикаторных линий на шкале голосового датчика.

Вот оно слабое звено!

Теперь на беднягу с угрозой глядела косматая белая горилла. Для прочих капитан оставался все тем же курильщиком в вязаном пуловере и белоснежной сорочке с расстегнутым воротом.

– Вы представляете, – сказал почитатель гольфа, – в какие игры мы будем играть, если зависнем здесь еще на полгода. Не думаю, господа ученые, что они придутся вам по вкусу.

Это видели и слышали все кроме одного, которого, погруженного в звенящую тишину, гипнотизировал взгляд красноглазого монстра-альбиноса.

– Ты скажешь мне, – произнёс монстр, не размыкая челюстей, – в чём вы неуверенны.

– Нет, – проблеял бедняга, – это может быть очень риско-

ванно.

– Мне решать, насколько это рискованно!

– О нет же, нет...! Почему я...? Я не имею полной картины...

– А кто имеет?

– Всё очень спорно. У меня одна теория, у других другие. Одна из них противоречит двум другим.

– И твоя противоречит остальным?

– Нет, отнюдь...

– Значит, будем руководствоваться твоими данными.

– Нет, нет... Я не могу брать такую ответственность..! Может случиться...

– Прежде вот, что может с тобой случиться!

Горилла-монстр выскочила, как это показалось солярологу, прямо из экрана и, повалив того на пол, сорвала с его лица маску. Под ней оказалась другая, казалось, еще более бледная. Сорвала и её – снова маска. Её долой – маска. Каждый раз ему мерещился расплывчатый образ женского, именно женского лица, и он стал рвать с неуловимого лика эти ненавистные маски всеми четырьмя конечностями. Благо, горилла так может.

– Я доберусь до тебя! – рычал седой кошмар, клацающая ужасными клыками желтого цвета. – Ты мне всё скажешь! Женские штучки...

Надежды на спасение у бедняги не было никакой...

И всё же...

– Прекратить!! – Голос с повелительной интонацией принадлежал кому-то третьему.

– Мне...! Приказывать мне...! – Капитан не сдерживал гнева, кто-то оспаривал его первенство.

Удар был силен и внезапен, отшвырнув гориллу-капитана с лишившегося чувств тела жертвы.

Боли не было. Она, казалось, растворилась в гнев, превратив его в неистовый. Сквозь пелену, застывшую глаза, капитан разглядел силуэт того, кто так некстати сунул нос в его дела.

Это был ковбой. Нижняя часть лица скрыта шейным платком, натянутым на нос. Рыжие сапоги со шпорами. Джинсы. Клетчатая рубашка. Шляпа. Пояс с надраенной до блеска бляхой. Всё как положено. Не было лишь револьверов. Вместо них ковбой держал в левой руке свернутый кольцом бич, в плетениях которого сверкали синие искры электрических разрядов. В левой.

– Опять ты! – прохрипел капитан. – Ты!!!

В следующий миг он бросился на него, трансформировавшись за доли секунды в закованного в броню лат кентавра с копьем наперевес. Сейчас он насадит этого мерзавца на остриё, а затем бросит оземь и будет долго и с наслаждением топтать копытами, до кровавого месива.

Бич со свистом рассек воздух и удавом обвился вокруг человеческой части кентавра. Стальные латы защитили от удара, но не стали помехой электрическому заряду, который нес

в себе бич. Потрясающий разряд тока обрушился на капитана. Уже теряя сознание, он отметил, что, на сей раз, удар не столь силен, как тот, когда старпом тридцать шесть часов исполнял его обязанности.

* * *

Координатор с тревогой следил за показателями адреналина капитана, скачущими у критических отметок. Не менее тревожные показатели отмечались и у соляролога-два, но обратного свойства. Если первый был готов к агрессивной истерике, то второй был близок к ступору.

Для него все были наблюдаемыми пациентами. Он незримо пребывал в штате экипажа, члены которого в большинстве своем даже и не подозревали о его существовании. Координатор одновременно являлся для всех и доброй феей и злой мачехой. Он безвредно снимал абстинентные синдромы, упреждал фобии, гасил депрессивные синдромы, сглаживал стрессовые состояния и купировал стимуляторами назревающие приступы лени. С другой стороны, не жалея седативных препаратов подавлял чрезмерные позывы к работе во внеурочное время, приступы агрессии, сводил на нет попытки выяснения отношений и, если было очень нужно, подчищал память и делал больно. Порой очень.

Нервные системы каждого члена команды, а вслед за этим поведенческий климат коллектива были сферой действия его полномочий. Экипаж составляли отнюдь не ангелы. Коллектив, если на то пошло, был коллекторным, что сквозь

фильтры прошло, то и сгодиться. В условиях изоляции, в таком сонмище то и дело вспыхивали бы лидерские войны, цвели интриги и торжествовала кастовая система от неприкосновенных до неприкасаемых.

Изоляция, кстати, была здесь полной – Солнце напрочь глушило радиосигналы, обрывая связь не только с Землей, но и с прочими кораблями-добытчиками, снующими у чертогов светила. Экстремальные условия работы на околосо-лнечной орбите вынуждали прибегать к институту так называемых координаторов – таких комиссаров предпринимательства.

Координатор – уполномоченный на всеирие человек-невидимка, который видит всё и знает обо всех всё в пределах корабля. Он умеет читать показатели датчиков и делать так, чтобы эти показатели были приемлемыми. Он походил на терпеливого зрителя, но с большим запасом увесистых помидор и с правом метания их в актёров, если игра становилась совсем плохой. В реальном театре помидоры, врывающиеся в действие, изгоняют персонажей прочь со сцены и, отчасти, делают сносную концовку плохому спектаклю. Мол, прилетели помидоры и покончили с этим безобразием, попутно порождая новые сюжетные линии – вроде подобного, анекдотичного диалога:

«Ты любишь помидоры?»

«Ну, как сказать?»

«Так любишь или нет?»

«Есть люблю, а так не очень!»

С корабля же, как со сцены не сбежишь, и действие раньше положенного срока не закончится, и если в тебя угодил «помидор» значит предстоит некоторая смена образа, как персонажа, так и его игры. Подмости всегда одни и те же. Помидоров же великое разнообразие. От абстинентных синдромов, когда от неверных действий становилось только хуже, и легчало от приемлемых, до изоляции и шоковой терапии. Для всего этого у координатора были средства. Он мог воздействовать на них как веществами, так и разрядами, имея доступ к их телам и мозгам, посредством некоторых трубок и проводов. Это было возможно потому, что каждый человек, член команды, заключенный в тесную сферу-капсулу, был облачен в биотехнический скафандр со сложной системой жизнеобеспечения. Бесчисленные трубки и провода подсоединяли человека через вживленные порты к различным модулям. Через них подавались вода и пища, отводились прочь продукты человеческой физиологии, осуществлялись, по мере надобности, обогрев и охлаждение. Можно даже было принять, по желанию, подобие ванны или душ. Электрические импульсы во время физической зарядки заставляли сокращаться мышцы, чтобы тело в условиях невесомости не теряло силы. В зависимости от состояния организма инъецировались различные лекарственные препараты, а то и, если того требовал диагноз, хирургические нанороботы. Такая близость к Солнцу чревата онкологическими

заболеваниями. Никто даже и не подозревал о том, что подавляющее большинство членов команды находятся в режиме перманентной химио- и радиотерапии или же претерпевают нанохирургические операции. Все члены экипажа отчасти ощущали действия наномедицины на себе, то и дело обнаруживая в своих зубах новые пломбы.

Координатор тоже был человеком и тоже хотел возвращения домой, но при всем своём желании, не мог быть на стороне капитана. Капитан хотел слышать именно такие факты, которые устраивали бы только его. Фактически он навязывал всю полноту ответственности подчиненному. Навязывал в открытую и силой.

Датчики свидетельствовали о том, что соляролог-два, попавший под раздачу, знает что-то конкретное, но не решает-ся придавать свои знания огласке из-за сомнений в доли их достоверности. Существовал риск. Капитан же находился в таком состоянии возбуждения, что готов был идти напролом и был согласен на любой риск, лишь бы обладать информацией. Её тот и стал выбивать из бедолаги соляролога, воспользовавшись виртуальным каналом тактильного контакта.

Координатор был единственным свидетелем этой сцены, так как для остальных капитан перекрыл инфо-порталы. Для них был объявлен кратковременный перерыв с отключением, вид принудительной изоляции, из режима которой можно было выйти только вернувшись на совещание согласно допуска. Уровень комфортности в режиме изоляции по-

нижался до степени физиологического минимума как при дрейфе после аварийного катапультирования. Допуск в данный момент, естественно, был закрыт. И мог оставаться закрытым до двух часов, согласно капитанским полномочиям. Времени более чем достаточного для насилия.

Ситуация не могла разрешиться компромиссом и координатор вынужден был вмешаться. Обоих нужно было попросту спасти – соляролога от капитана, капитана от себя самого.

Он знал с кем имеет дело – не в первой, – и потому нужно было действовать жёстко.

Капитана встряхнул электрический разряд, отвлекший его от жертвы и переключивший агрессию на посторонний раздражитель. Вслед за этим было пресечено предсказуемое нападение на образ ковбоя, в который воплотился координатор в виртуальном пространстве. Ковбой-миротворец – вполне подходящий, с точки зрения конфликтной психологии образ, не подавляет, как, нечто огромное, как Кинг-Конг или Годзилла, и не унижает, как цирковой укротитель.

Координатор принял решение не гасить агрессию капитана игрой в корриду с рыцарем-кентавром – слишком быстро среагировал тот с перевоплощением. Капитан видел в действиях ковбоя покушение на собственный статус, и решением в его понимании, было только физическое устранение оппонента.

В таком случае шоковая терапия с наведенной амнезией

была единственно приемлемым способом разрешения проблемы.

Координатор встряхнул хорошенько капитана, чтобы тот вышел из истерики, встряхнул, но чуть слабее, соляролога-два, чтобы тот вышел из предступорного состояния, и вколол обоим антидепрессант, побочным действием которого было устойчивая амнезия на недавние события. На Земле этот препарат был запрещен, но здесь его применение было в порядке вещей.

Сон, в который координатор погрузил обоих, должен был продлиться двадцать минут—времени вполне достаточного, чтобы восстановить силы и сделать внушение под гипнозом.

—Вы спокойны и вам тепло,— ровным голосом произнес координатор.— Если меня слышите, кивните.

Соляролог-два кивнул головой.

—Когда проснетесь, вы расскажите капитану всё, что вы знаете. Дайте ему понять, что вы только собрали информацию и не более того. Принятие решений прерогатива капитана. Не отказывайтесь от своих слов, но и не соглашайтесь делить с ним риск от принятого решения. Вы меня понимаете?

Кивок в подтверждение.

—Сейчас вы будете спать. Проснётесь через двадцать минут и спокойно приступайте к работе. Вы не будете помнить о насилии над собой. Капитан, кстати, также ничего помнить не будет.

Капитан... Координатор уже не в первый раз утихомиривал вспышки его бурного темперамента. Даже полуторасуточный больничный не пошел ему впрок. С другой стороны – прекрасный организатор и везунчик... Подобные в корпорациях нарасхват, и таким прощают многое... Хотя бы его одержимость идеей найти и разоблачить женщину среди экипажа.

Но почему только одну?

* * *

Совещание возобновилось через полчаса.

Докладывал соляролог-два, «второй».

Да, ожидается эруптивный протуберанец в желаемом квадранте. Плотность ожидается на порядок выше средней – это плюс. Еще плюс – известно точное время эрупции. Минус – протуберанец ожидается недолговечный и высотой близкой к минимально критически допустимой, плюс-минус столько-то мегаметров. Вопрос состоит – в плюс или в минус. На это нельзя дать однозначный ответ. По крайней мере, он дать не может.

Стопроцентная достоверность только того, что плотность будет на порядок выше средней.

Он и рад был бы этого не оглашать, но язык было не унять, и его вибрации и биение о зубы порождали, вкуче с дыханием, звуки, сливающиеся в слова, которые затем составляли фразы. В них была информация, которая всеми воспринималась неоднозначно.

«Второй» оперировал не фактами, но оперировал вероятностью. Наибольшая её плотность ожидалась именно в таких-то координатах и в такое-то время «Ч». У них, судя по выкладкам, есть все необходимое, чтобы попасть в нужное место и в нужный час.

Оставалось лишь оценить риски.

По его мнению, риск был пятьдесят на пятьдесят, как монету кинуть. Пан или пропал. Очень высокая, для этих условий, степень. Если пропал, то пропадешь по-настоящему. И праха не останется. Возможно, слишком скоропалительные выводы, но это видение решения проблемы сквозь призму его знаний.

В ход доклада вмешался «третий».

Он утверждал, что риск не так уж и высок. Речь пойдет скорее не о жизни и смерти, а о сроках возвращения к Земле, потому что, по его мнению, протуберанец действительно ожидается высотой близкой к минимально критически допустимой, только допуски на порядок ниже, чем у его коллеги. Всё не столь фатально. Риск угодить в корону отсутствует напрочь.

Сам же он не решался объявить свои выкладки первым, потому что ничего не мог сказать о плотности выброса. Данные о плотности – всецело заслуга соляролога-два.

«Третий» закончил.

Для окончательного принятия решения предстояло выслушать мнение «первого».

Подобные номера на корабле не означали ничего – ни степени превосходства, ни какого-либо квалификационного разряда – лишь служили отражением номинального количества. Просто в штате корабельного экипажа было три единицы ученых солярологов и очередность их номеров зависела лишь от даты приема на борт.

Первый молчал.

Соляролог-один был очень пессимистичным прогнозистом и мог своими доводами подвергнуть сомнениям, что бывало не раз, даже самые выверенные теории. Он вообще не терпел понятия риск в расчетах.

В ожидании разноса, «второй» и «третий» воззрились на экраны, с которых должен был вещать их коллега и оппонент.

Экран был пуст. Время шло, но ничего не происходило.

Это было странным.

Бывало, что для формирования ответа, во время совещаний, специалисту требовалось дополнительное время, и тот брал своеобразный тайм-аут, вывешивая предупреждение.

Предупреждения не было.

Либо «первый» вообразил, что он действительно первый, на которого не распространяются общие правила, либо произошло нечто, что относится к разряду форс-мажора.

Совещания всегда происходили в экранном режиме. Для принятия серьезных решений в виртуальном пространстве находиться запрещалось. Капитан, нарушивший запрет, уже

поплатился за это, неся более чем смутные воспоминания об обстоятельствах совершённого проступка, но очень яркие об испытанной боли, еще более крепкого осознания виноватости.

Судя по тому, что он еще во главе корабля – наказание было низкой степени. Средняя могла привести к недееспособности от нескольких часов до нескольких суток. О высшей никто ничего толком сказать не мог, кроме того, что до неё дело ни разу не доходило и это была явно не смерть, но что-то похуже её.

Вблизи преддверия раскаленного ада смерть не пугала. Здесь она могла просто заменить собою жизнь так быстро, что сознание просто не успевало осознать факта кончины.

Когда корабль входил в корону или его слизывал протуберанец, те, кто был в нем, должно быть, и не верили в то, что они уже мертвы. Ходили слухи, подобные тому, что при таком быстром распаде плоти сознание не успевает разрушаться и, уже несуществующий в реальности, человек продолжает существовать в своем сознании – сам в себе. Как в субъективном коконе, не соприкасающемся с реальностью или как собственная, индивидуальная вселенная, в которую нет посторонним входа и нет выхода из неё ему самому. Да и зачем. Когда ты сам вселенная – не имеет значения, что ты не существуешь для других, которые для тебя перестали существовать. В себе вселенная, в себе вечность.

На эту тему на Земле написали и опубликовали несколь-

ко книг, сразу ставших бестселлерами и причиной возникновения множества сект, переросших в движения, которые, то враждуя, то сотрудничая между собой стали подвергать нападкам официальные церкви.

Не удивительно. Человек, загнанный в физическое замкнутое пространство, начинает искать выход из него. Физически не существующий, но который можно придумать. Если раньше для Земли-острова с дефицитом ресурсов выход для её обитателей был в царствах божиих и реинкарнациях, то сейчас картина начала меняться.

Солнце вновь стало воцаряться в человеческом сознании как чертог спасения.

Человечество сделало очередной рывок наружу, чтобы снова обнаружить себя в замкнутом пространстве. Наподобие плавания Магеллана, которое показало, что Земля—шар и потому мир, пусть и велик, но ограничен.

Безграничными тогда оставались только небо и вариации форм жизни.

Потом добрались до неба, взломали его и упёрлись в очередную линию ограничения.

Солнце!

Оно стало неисчерпаемым источником ресурсов для жителей планеты Земля. Время шахт, рудников и штолен кануло в лету. В солнечной плазме были все элементы таблицы Менделеева, которые требовались человеческой цивилизации в неисчерпаемых количествах.

Но всё имеет свою цену. Решение проблемы снабжения земной экономики ресурсами замкнуло её интересы на линии Земля-Солнце. Человечество пошло осваивать большой космос не вовне, а вовнутрь. Марс, Юпитер, Сатурн, звезды—все это стало неинтересным, также как Венера и Меркурий. Зачем напрягаться и их освоении, когда можно ещё оставаться на Земле.

Всё имеет свою цену...

«Первый» так и не появлялся.

Предчувствуя неладное, капитан решил снова нарушить запреты и вошел в виртуальность.

В образе игрока в гольф, он ступил на территорию «первого», которая была стилизована в нечто вроде дворца в стиле рококо.

С первых шагов на него обрушилось ощущение, какое мог бы испытать принц, вошедший в покои спящей красавицы. Всё вокруг было лишено динамики, словно в стоп-кадре. Певчие птицы недвижимо сидели на жердочках в золоченых клетках с раскрытыми клювами и распростёртыми крыльями, пучеглазые золотые рыбки недвижимо, словно замороженные в лёд, застыли в хрустальных, на ножках, чашах-аквариумах. Рыжие коты статуэтками сидели по углам. Шикарная кровать с балдахинном, завешанная вуалью, возвышалась, словно утес посреди всего этого застывшего великолепия. У изножия в позе сфинкса застыл гигантский мраморный дог.

Капитан сделал несколько осторожных шагов, опасаясь

пса, но тот оставался неподвижным.

Какой-то размытый вихрь на миг пронесся в воздухе и капитан понял, что теперь здесь он не один. Возле кровати маячила знакомая фигура ковбоя. Смотанный кольцами хлыст висел на правом плече.

— Не подходите, — сказал ковбой, трепля левой рукой дога по массивной голове с ушами торчком. — Не надо.

— Почему?

— Она умерла.

— Умерла...? Она...?! — Капитан не узнал собственного голоса.

— Рецидивный рак молочной железы... Метастазы... Ничего нельзя было сделать... Солнце жестоко.

— Она... — как эхо повторил капитан.

Его идея-фикс потеряла в этот момент значение. Он достиг поставленной цели, но не стремлением к ней, а банальной случайностью. Чувство бесконечного разочарования поглотило его и за мороком виртуального образа никто не увидел как по щекам капитана покатались слёзы.

Нет, неверно, что все.

Координатор был в курсе

* * *

Все происходило стремительно.

Похороны не заняли много времени. После краткой гражданской панихиды труп соляролога-один был катапультирован в сторону Солнца. Каждый сказал: «Мир праху его» — и

занялись своими делами.

«Второй» и «третий», вступив в своеобразные права наследства, изъяли записи почившего «первого» на изучение. Проанализировав, они доложили капитану о том, что аргументы у «первого» были действительно неопровержимые и шли как в пику их расчетов, так и его желаний. По крайней мере, с учетом физического присутствия соляролога-один.

Но теперь всё изменилось.

«Первый» своей кончиной избавил корабль от бремени массы своего тела и теперь расчеты потеряли свой угрожающий характер. Появилась фора в виде дополнительного количества топлива, необходимого для маневра. Такая фора, что риск предприятия снижается приблизительно на девяносто два процента. При таком раскладе обреченность на успех заведома.

Сто четырнадцать килограммов массы с плеч долой—это не шутка. Девяносто один килограмм—масса тела покойной и остальные приходились на приспособления, обеспечившие катапультирование. Сто четырнадцать килограммов бесценного топлива!

Все карты в руки. Засучить рукава и за дело!

«Однако,— подумал капитан,— дама была крупная».

Капитан скрыл от экипажа половину принадлежности специалиста «соляролога-два», оставив это на своей совести.

Всегда, словно инквизитор ведьму, искал он женщину в составе своих экипажей, которыми руководил. Все его поис-

ки до сих пор заканчивались фиаско. Но к ним он был привыкший. Подспудно капитан боялся успеха, потому что не представлял себе, что будет делать дальше.

Эта случайная смерть избавила капитана от груза комплекса «что же дальше?», который исчез вместе с просохшими слезами.

Солнце жестоко, но подчас, словно играя, идет навстречу в разрешении задач, которые казались доселе не по зубам. В данный момент их разрешился целый блок.

Нечаянно прекратилась перманентная охота-поиск. Не навсегда – со временем она вновь возобновиться, но сейчас это было неважно. Сейчас капитан испытывал легкость высвобождения, наподобие той, какую испытывает человек, забывший вдруг навязчивый мотив много дней кряду изводивший его и ведущий на грань безумия. Легкость, которая в отличие напряженности поиска, не просто отвлекала, но и делала безразличным к факту того, что у него полностью парализована нижняя часть тела.

Солнце тоже покушалось его жизнь, но пока он отбился. Правда такой ценой... Но такая цена, учитывая комиссионные, устраивала капитана. Комиссионные же были баснословны. Лицензия на квотированную добычу благородного металла из солнечной плазмы являла собой для капитана квинтэссенцию денежного выражения и философского камня и эликсира молодости.

Когда-то алхимики старели в попытках получить либо то,

либо другое в надежде наверстать, в случае успеха, упущенные годы, кто безграничным богатством, кто вечной молодостью, но тщетно. Богатства не возникало. Молодость не возвращалась.

Капитан также был своего рода алхимиком, таким потомком тех, которые специализировались на заклинаниях могущих принудить золото Солнца конденсироваться в их колбах. Их поиск в те времена не увенчался успехом... Однако, если рассматривать формулы плазмоконденсации как подобные заклинания – успех налицо. Понадобилось всего лишь несколько столетий времени... И он пользовался тем, что мог купить на своё богатство, причитающееся ему от успеха – пусть суррогатные, но высшего качества, блага здоровья и молодости.

Сложная и дорогая медтехника делала на Земле его таким же как все остальные, во всяком случае, очень похожим на них. Врата всех мест, где он мог бы удовлетворить любое своё вожеление были открыты ему. Законы, учитывая его статус, предоставляли поблажки, которые и не снились простому смертному. Он ощущал себя полновластным хозяином жизни...

Но всё равно со временем начинало приходить осознание того, что настоящая жизнь проходит мимо, а все это – яркая мишура, имитирующая её. Это осознание ассоциировалось у него с ощущением холода, засевшего внутри тела, от которого не избавляли ни алкоголь, ни деятельность, выраба-

тывающая адреналин, ни синтетические эндорфины, какие только мог он себе позволить.

Вместе с холодом наступали сумерки. Он не мог отличить утро от полдня и полдень от вечера, потому что они превращали мир в мутное пятно. Цвет в переставал играть значение – всё вокруг становилось оттенками серого.

И тогда он сбегал в космос. К Солнцу. К великому светилу, которому он каждый раз бросал свой вызов, вызов пигмея титану. И не важно, что титан не слышит этого комариного писка. Важно, что вызов сделан.

Засучить рукава и за дело!

Вперед, на ловлю протуберанца! За этой отрыжкой солнечных недр!

Корабль взял разгон.

* * *

Бешеный стук сердца болью отдавался в висках. Капитан обхватил голову руками и бессмысленно мотал ею из стороны в сторону. Ему было плохо. Скорее всего и остальные члены экипажа находились в таком же, если не худшем состоянии. Просчитались немного солярологи.

Высота протуберанца действительно оказалась приемлемой, но очень недолго. Пришлось «нырять» за ним, чтобы завершить реакцию плазмоконденсации. Счет шел на доли секунды. Если времени не хватит, то реакция не произойдет и все усилия и затраты пойдут прахом. Очень дорогим прахом. И ничего поделать нельзя. Нельзя приблизиться к све-

тилу ближе критически допустимого рубежа. За ней круговая орбита превращается в спираль падения и из неё нет выхода – во всяком случае для живых. Человеческий организм не в силах выдержать такого ускорения, необходимого для того, чтобы вырваться из плена солнечного тяготения.

К моменту реакции корабль находился совсем ничего от критической грани, и пришлось ускоряться по максимуму, чтобы уйти от чертогов огненной стихии. Такие большие перегрузки нелегко дались людям, организмы которых подолгу находились в условиях невесомости.

Капитан понемногу приходил в себя. Система накачивала его организм транквилизаторами, обезбаливающим и антидепрессантами. Сердце замедляло ритм, отступала боль, рвущая виски, бытие переставало быть столь невыносимым.

Через несколько часов капитан захотел кофе. Черный с сахаром. Крепко заваренный, обжигаяще горячий и приторно сладкий. Он пил его огромными глотками пока обожженное пока небо не потеряло всякую чувствительность, а язык не распух и, казалось, стал таким огромным, что вот-вот не поместится во рту.

Потом был сон.

Капитану снилось, что он ночной мотылек . Он порхал в свете луны и звезд , отражая их золотистый свет своими крылышками, сплетая из отражений причудливые узоры-призывы для партнерши, возможно взирающей на него из мрака ночи.

Но вместо ночной бабочки из темноты возник огромный нетопырь с пастью полной острых зубов. Взмахи кожистых крыльев монстра создавали вихри в воздухе, один из которых и завертел мотылька. Контроль над полетом был утрачен. Спасение было только в одном. Он плотно прижал свои хрупкие крылышки к тщедушному тельцу и стал стремительно падать. Падать, не зная как близко земля. Рискуя, избегнув зубов хищника, теперь разбиться о скрытую во тьме твердь. Падая, он думал только о том, что это была нетопырь-самка. На его призывы во тьму прилетела, хоть и не то, что хотелось бы, но особь женского пола.

Сон окончился словно ударом о землю. Видно, мотылёк так и не вышел из пике, предпочтя реинкарнировать в капитана. Удар этот был воспринят скорее как встряска. Как шлепок, который отвешивают младенцу, отправляя его в жизнь. Если на то пошло, то это пробуждение можно было бы расценивать, с учетом пережитых ранее событий, как второе рождение.

Телу было легко, в голове была ясность.

Капитан посмотрел на дисплеи приборов. Показания одновременно и радовали и повергали в уныние.

Радовало то, что корабль был цел и за ним тянулся многокилометровый шлейф сконденсированного из солнечной плазмы благородного металла— тонн пятьдесят, по самым грубым расчетам.

Печалили факт перерасхода топлива, сверх расчетного

допуска и медицинские показатели здоровья некоторых членов экипажа. Трое из технического персонала и плазмотехник пребывали в бессознательном состоянии; у навигатора был серьёзный сердечный приступ, но инфаркта удалось избежать; соляролог-три впал в истеричное состояние и сейчас находился под действием седативных препаратов.

Могло быть хуже.

Капитан возблагодарил судьбу и Всевышнего, что умершая обладала таким массивным телосложением. Её тело было использовано как сброс балласта из корзины аэростата и этим она сослужила службу, наверное, не менее ценную, чем все расчеты по вероятностно-локальной эруптивности, произведенные ею за всё время долгой карьеры.

Почему в голову капитана пришла аналогия с балластом, а не с жертвой? В том он отчета себе не давал. Он привык манипулировать людьми как инструментами, необходимыми для решения поставленных задач. Тем более, что теперь солярологи совершенно перестали его интересовать. Они выполнили задачу и виделись сейчас ему не более чем как тот же балласт.

Наступило время других. Время тех, кто был ответственен за возвращение домой. Капитан очень хотел бы услышать мнение по этому поводу навигатора, ничуть не смущаясь его прединфарктного состояния.

Нужно было поспеть к торгам, чтобы сдать улов с выгодой. Чем раньше, тем лучше. Биржа ждать не будет. Опоздать на

торги – означает сдавать металл по фиксированной и очень низкой цене. Выручка от такой сделки едва окупит затраты на полет и снаряжение следующего, так что на премиальные можно будет не рассчитывать. Величина премиальных была такой, что капитан решил безотлагательно потормозить навигатора. Ему очень нужно было знать дату прибытия на Землю.

Навигатор на зов не явился. Вместо него на экране возникла надпись с просьбой не беспокоить из-за состояния здоровья. Чёрти что! Этот же не умер ещё. Пусть выполнит свои обязанности и лечится себе дальше!

По данному вопросу можно было обратиться к старпому, но капитан не хотел. По его мнению – ответы на его вопросы должен давать только специалист в своей области.

Капитан стал набирать код экстремального вызова. Отказ отвечать на него фиксировался в бортовом журнале как серьезное нарушение субординации. Однако, два последних символа набрать он не сумел. Ему показалось словно кто-то схватил его за руки. Хватка была мертвая, как тиски.

– Вы убьете его, – донеслись до его слуха слова, сказанные голосом ковбоя. – Ему необходим полный покой. Старший помощник тоже может рассчитать маршрут.

Капитан вскипел от негодования. Какой-то ряженный снова появляется ставить палки в колеса! Да кто же, чёрт возьми, этот ковбой!? Он рванулся, что было сил, но тщетно. Кипевший в нём гнев не находил выхода, словно пар в закупо-

ренной пароварке. Цифры так и остались не набранными.

Что-то густое, тягучее разлилось, как ему показалось, по жилам и сделало тело податливым и мягким, как воск. Пары гнева стали оседать тяжелыми липкими каплями, обволакивающими рассудок. Пальцы, которые вдруг перестали повиноваться, сами нажали кнопку сброса и набрали код старпома.

Координатор ввел строптивного капитана в гипнотический транс, используя пульсирующие разряды электротока с местной анестезией. Капитан стал в последнее время чрезмерно ретив и бесцеремонен. То набросился на соляролога, то вознамерился доконать навигатора.

Врачу – исцелился сам ... Координатор тоже был человеком и ему также нелегко далась эта борьба со светилом. Голова гудела, словно в ней били в набат, то и дело к горлу подступали тошнота вперемешку с чудовищной изжогой. Собой бы заняться – привести себя в порядок, а приходится укрощать этого малого, который воображает себя невесть кем. Времена авторитаризма канули в лету, но тот в это упорно нежелает верить. Что ж придется сбивать спесь.

– Будете повторять, что я скажу – сказал координатор капитану.-Проверка...

– Проверка, – как попугай повторил капитан.

– Прощу прощения? – Это уже говорил старший помощник.

Он появился на экране в образе псевдо-викинга. Этакий

бородатый детина в шурах и кольчугах, в рогатом шлеме с забралом в виде оскаленной драконьей пасти. Может и рубился старпом в виртуале абордажным топором как заправский викинг, да только викинги на шлемах рогов отродясь не носили.

– Как нужно докладывать?– Капитан говорил спокойным голосом и с расстановкой. Он слово в слово повторил, что надиктовывал ему координатор.

– Старший помощник здесь, капитан!-.Мгновенно отреагировал старпом. – Какие будут указания, капитан?

– Уже хорошо, – как-то задумчиво произнес капитан. – Произведите расчет траектории возвращения... Навигатор болен... Доложите через два часа. Вопросы?

– Вопросов нет, капитан!

– Приступайте!

Рогатый викинг исчез.

Капитан, погруженный в гипноз, смотрел в одну точку.

– У вас приступ лени. – Голос координатора был мягок и убаюкивал. – Вы включите все экраны и предадитесь созерцанию. Предадитесь с удовольствием, ни во что не вмешиваясь. Вам будет нравиться естественный ход событий и у вас не будет ни малейшего желания вмешаться в него. Вас разбудит вызов старшего помощника, и вы приступите к своим обязанностям. Вы меня поняли?

Капитан кивнул и включил режим трехмерного вращения, так как экраны были распределены по всей внутренней

площади сферы.

«Врачу – исцелись сам», – подумал координатор, вводя себе комбинированную инъекцию, чтобы забыться спасительным сном. За прочих он не волновался. Неадекватно в последнее время стал вести себя только капитан...

* * *

Если ударить по мячу именно этой клюшкой и именно под таким углом, то он, если не долетит до зоны, увеличится в три раза и настолько же потяжелеет. В ту сторону бить нельзя, потому что это спровоцирует рост препятствий и возникновение новых ловушек. Причем старые, уже более-менее известные исчезнут напрочь. Реактивной клюшкой действовать тоже нельзя – мяч улетит в тучу и прольется дождем ложных мячей среди которых затеряется и выудить его от туда будет стоить долгих трудов.

Ладно, решил капитан, буду бить этой клюшкой и под этим углом.

Его оппоненты наблюдали за его действиями каждый со своего холма, где по правилам должны были находиться во время чужой подачи.

Капитан ударил по мячу так, чтобы он вначале взмыл свечой вверх, а затем, вертясь волчком полетел бы вперед по практически прямой нисходящей. Это ему не удалось. Мяч, вздымая в воздух клочья дерна приземлился далеко в стороне от лунки.

На холмах радостно взвыли. У них появился шанс. Этот

просчет в блистательной игре капитана, несказанно обрадовала обоих соперников, несмотря на то, что удар переходил только одному из них.

Этим ударом капитан рисковал лишиться всего, что доселе выиграл. Оставалось надеяться только на чудо.

—Ой!—Донесся до слуха капитана вскрик соперника, к которому перешел удар.

Вместо мяча в выбоине лежал кирпич.

Капитан угодил мячом в редчайшую точку контртрансформации. Точку, где явные преимущества противника трансформировались в фантастически неодолимые препятствия для него.

Чудо!

Оба соперника смиренно поднялись на холм капитана, чтобы бросить свои клюшки к ногам победителя.

Партия!

— Неудачники!—презрительно произнёс капитан.

Никто не возражал.

На самом деле капитанский возглас адресовался не одним им. Они были лишь представителями команды, которой капитан руководил и которая его подвела.

Они опаздывали к торгам на целые земные сутки. На целых двадцать четыре часа! Все пойдет по цене лома. Премимальные будут близки к нулю. Законы экономики порой жестче законов небесной механики. Успевший диктует, опоздавшему диктуют.

К торгам, конечно, можно было бы успеть и вовремя, но для этого пришлось бы пожертвовать практически всем уловом. Экспедиция влетела бы в колоссальные убытки. Цена лома всё ж таки окупала затраты даже с какой-то микроскопической прибылью.

Однако, чувство неудачи не покидало капитана и он, не стесняясь, переносил его на подчиненных. Подчиненные помалкивали, зная что в какой-то мере величина премиальных зависит и от него. У всех, кроме одного.

Этого одного капитан стремился сейчас найти, наобум скитаясь по виртуальным пространствам подчиненных. Найти, чтобы поквитаться. Чтобы этот ковбой утратил свою удаль под силой его, капитанского, гнева. Бывает же ему, ковбою, скучно и он, чтобы развеяться, должен время от времени принимать участие в какой-нибудь из виртуальных игр.

Капитан покинул поле для гольфа и вломился к кому-то наугад, приняв образ кентавра.

Здесь играли в бильярд расфуфыренные франты эпохи короля-солнце. Пудренные парики с длиннющими локонами, камзолы с жабо, кружева, каблукастые туфли с массивными пряжками. Крайне неудобные наряды, чтобы играть в бильярд, но в этом, наверное, вся соль и была.

Кованные копыта кентавра хромыхнули прямо по зеленому сукну стола. Шары разлетелись, словно капли воды из лужи, в которую угодил камень..

Щеголи было взвыли от негодования, но, увидев кто их

посетил, побросали кии и полезли прятаться кто куда— кто под стол, кто за портьеру. Только облака пудры с париков повисли в воздухе.

Забавы ради капитан потыкал копьём в портьеру и отбил копытами грохочущую металлом чечетку по столу. Видя, что на этом потеха закончилась, он прыгнул в следующую реальность.

Здесь было поросшее вереском всхолмье, на котором выясняли отношение закутанные в шкуры «викинги» в рогатых шлемах и облаченные в килты и овчины горцы-скотты. И те и другие были рубаками достойными друг друга, но никто из них не был готов к внезапному вторжению тяжелой кавалерии.

Капитан с удовольствием разогнал сечу. Кого-то кольнул острием, кого-то огрел древком и, обратив воинство в бегство, принялся гоняться за улепётывающими вояками. Бежали они как заправские зайцы. Догнав, он только и успевал чуть кольнуть беглеца копьём или лягнуть копытом, отчего тот рассыпался, как будто сделанный из песка. В большинстве случаев им удавалось увернуться в последний момент, но это лишь подзадоривало капитана-кентавра: трудная цель — сладкая цель.

— Неудачники!.. презрительно кричал капитан и презрение его выплескивалось брызгами слюны сквозь щели забрала.— Вот вам, неудачники!—Его копьё и копыта не знали пощады.

Он опьянел от охотничьего азарта преследователя.

Викинги и шотландцы вперемешку бежали прочь, спасаясь. Их уже оставалось совсем немного...

Всхолмье внезапно кончилось. Впереди расстилалась равнина загроможденная подобиями стоунхеджей, образующих что-то вроде гигантского лабиринта.

Капитан понял, что если они добегут до них, то гоняться там, за ними, будет затеей исключительно трудной и надо лишить этих неудачников каких-либо надежд на спасение.

В несколько прыжков капитан обогнал разношерстную братию и встал перед ними на дыбы. Огромный, лязгающий железом доспехов.

Те опешили. От подобия упорядоченности их бегства не осталось и следа. В замешательстве они стали искать путей спасения каждый сам для себя. Паника обуяла их.

Этого-то капитану и надобно было.

«Разделяй и убивай!» – подумал капитан («Неплохо для девиза, хотя и отдает плагиатом») и ринулся на горе-беглецов, словно волк на отару овец. Для полной красоты картины не хватало только умоляющего блеяния.

То-то, подумал капитан, будет потеха! Никому никакого снисхождения! Неудачники!

Казалось, развязка неминуема. Скорость и мощь капитана против разрозненности и страха разномастной братии не оставляли никаких шансов на спасение. Их игра будет вконец испорчена спонтанным вторжением чужака. Её, верно,

придется, после всего этого, начинать заново. Заново! После нескольких месяцев развития событий и заново! Словно как если бы все силы союзников под самое окончание Второй Мировой Войны разгромили бы пролетавшие мимо пришельцы. Так, забавы ради, разгромили и полетели себе дальше. Вот хлебнули бы все лиха! Разгромленные против разгромленных. И нельзя сказать, что все вернулось бы на круги своя, а нужно было бы поспешно лепить что-то новое, наверстывать упущенное, отстаивать чудом сохраненное и обретенное. Все уже пройдено, свершенные ошибки известны, выводы сделаны и, при невозможности примирения, ход событий дубля-два будет уже логически абсолютно непредсказуем. Теперь обе стороны будут стремиться не к тому, чтобы победить, а к тому, чтобы не проиграть. При таком подходе хороши будут все средства и предыдущее покажется цветочками по сравнению с ягодками настоящего.

«Пусть привыкают, неудачники, что все может рухнуть в одночасье,»— подумал капитан, занося копьё для удара...

В этот момент он почувствовал, что кто-то сидит на его спине. Сидит уверенно и крепко обхватывает лошадиные бока кентавра ногами. В следующее мгновение железные объятия прижали руки к туловищу. Ошеломленный капитан выпустил копьё и оно, ударившись тупым концом о землю, переломилось с треском ломаемой ветки. Он попытался было взбрыкнуть, но тотчас же встал на дыбы от нестерпимой боли. Ковбой, а это был именно он, вонзил шпоры как раз туда,

где сегменты доспеха неплотно прилегли друг к другу.

Беглецы, воспользовавшись подарком судьбы, добежали до спасительных стоунхеджей и растворились среди них.

Потеха не состоялась.

Боль не осадила капитана, но, напротив, как бы придавала дополнительных сил его неистовству. Он чувствовал болезненные уколы, особенно в правый бок (видимо ковбой хотел развернуть его) и от этого только ярился еще больше. Он устроил своему седоку такое родео, что не прошло и минуты, как тот кубарем слетел на землю и, чудом избежав быть растоптанным тяжелыми копытами, с проворством ящерицы юркнул в лабиринт валунов и утесов.

– Стой!– в гневе вскричал капитан.– Не уйдешь! Теперь не уйдёшь!

Метаморфоза произошла стремительно и эффектно. Стальные латы разлетелись осколками словно скорлупа. Кентавр лишенный доспехов оказался гориллой-альбиносом комплекции под стать Кинг-Конгу. Словно гигантская бабочка вырвалась из крохотного кокона.

– Не уйдешь!-.взревел «Кинг-Конг» и стал валить мегалиты, надеясь раздавить ими ненавистного ковбоя.

Те что поменьше он просто вырывал из земли и швырял наобум, вкладывая в бросок свою дикую силу. Казалось, что в этой стихии падений и соударений огромных камней уже никому не выжить, как из этого на грудь капитана впрыгнуло нечто вроде большого кузнечика. Ещё миг и этот кузнечик в

один прыжок оказался на кончике широкого горилльего носа. Скосив глаза к переносице, капитан увидел, что это ковбой, величиной, для его масштабов, с саранчу. В руках тот сжимал боевой молот, какой был в ходу у викингов.

«И гоняться за ним теперь не надо,— подумал капитан.— Сам пришёл. Остается лишь прихлопнуть его как муху!»

Правда, незадача была в том, что его руки, были заняты массивным валуном, поднятого над головой для броска...

Молот с размаху ударил в переносицу. Ковбой не поспешил на силу, вложенную в удар. Слезы брызнувшие от этого из глаз были не столь страшны, сколько был страшен удар тяжеленного камня свалившегося из дрогнувших рук прямо на макушку.

Сверкнули молнии. Грянул гром...

Капитан так ничего толком и не успел понять, что произошло. Последняя мысль его угасающего сознания была о молоте Тора, который высекал молнии из небесной наковальни, сопровождаемые грохотом громовых раскатов. А наковальня-то — его голова. И он сам небо. А на небе Солнце...

* * *

—Шеф, со мной нельзя так! Ведь все обернулось более, чем хорошо!— капитан рванулся было вскочить на ноги, но запомнил, что в преддверии сна, уже снял с себя всю протезную биомеханику и сидит теперь в обычной инвалидной коляске.

Сигнал, поступивший из мозга на претворение порыва в

действие, выразился, не достигнув цели, в дрожании рук и приступе потливости. Пот застил глаза, и трясущиеся руки, вместо того, чтобы смахнуть, размазывали его по всему лицу.

Шеф, по ту сторону монитора видел это, но снисходительно выдержал паузу.

С потом, наконец, справиться удалось, но самообладание полностью не вернулось. К горлу то и дело подкатывал ком, который приходилось торопливо сглатывать, иначе он мог бы спровоцировать слезы, что, в данной ситуации, совсем было ненужно.

— Как же так, шеф? Я нужен вам! Я профессионал! Вспомните, сколько я клюеве принес?!— Капитан пытался говорить четко, но мешал проклятый ком в горле.

— Это всё уже в прошлом.— В голосе шефа явственно ощущалась успокаивающая интонация.— Всем когда-то нужно заканчивать. Вы хотя бы живы.

— Но я полон сил...!— Капитан запнулся, попав под красноречиво-безжалостный взгляд шефа.

— Но ведь этого не надо в невесомости!— в отчаянии вскричал капитан, ударяя по подлокотникам ненавистного кресла до боли сжатыми кулаками.

— Это не самая важная причина, почему вынесено решение об отправке вас на пенсию. Причин целый комплекс и решение исходит от мнения множества людей. По сути, это коллективное решение, которое мне поручено передать вам.

– На пенсию! Меня...!?!– Негодованию капитан не было пределов. – После таких-то прибылей.. Вместо премирования на пенсию!?

– Вы получите премиальные вместе с единовременным пособием по уходу на пенсию. – Последнее слово шеф произнес подчеркнуто с ударением. – А что касается прибылей, то – это просто фантастическое везение, что сразу после окончания торгов, на которые вы опоздали более чем на сутки, эти две страны развернули такой бешеный аукцион. В одной стране не очень популярный президент думал поднять свой рейтинг перед выборами, в надежде превратить их переборы, а в другой, гораздо меньшей и не столь известной, захотели с размахом, символично и по-славянски отпраздновать круглую дату. В обоих случаях все было приурочено к Дню Независимости. У одной страны он 4-го июля у другой 3-го. И обе захотели устроить метеорный салют в честь праздника. И не просто салют, а настоящий золотой дождь! Озолотить свой народ в прямом смысле этого слова!

Аукцион, доложу я вам, проходил тайно и страстно. Покупателям было принципиально важно, что товар находился на орбите. Цены росли как на дрожжах. Видно хотели сделать сюрприз для своих граждан, но мы тогда не представляли, зачем им столько золота для неэкономических целей. Хотя, говоря по правде, нас это и не интересовало. Главное – нашлись покупатели и каждому принципиально нужно было всё и сразу. О том, чтобы поделить – не было и речи.

Когда цена на аукционе начала приближаться к той, какая была на торгах, президент сдался. Видно, не позволяли средства, отпущенные на предвыборную кампанию. Трогать бюджет он не решился, боясь гнева налогоплательщиков. Но, по-моему, лучше бы он сделал это. После случившегося на другой стороне земного шара его шансы на переизбрание обнулились начисто. Он даже снял, по настоянию электората, свою кандидатуру. Какая-то махонькая страна в Восточной Европе, на другой стороне земного шара, обставила, из-за этого недотёпы, такую державу.

– Что же такое было на другой стороне земного шара? Я ничего не знаю о последних событиях, так как проходил курс лечения. Ничего, кроме репортажей.

– Был полный фурор. Многим захотелось постоять под золотым дождем и загадать желание. Падающих звезд хватило на всех желающих. День независимости у них удался на славу. Сейчас в прессе идут споры во сколько крат окупились расходы на него из бюджета этой страны за счет невероятного всплеска туристического интереса к ней. А в стране родины ковбоев их День Независимости совсем не задался. Он просто померк на фоне того, что произошло за день до него в другом месте.

Капитан настороженно слушал. Неспроста шеф упомянул ковбоев. Неспроста.

– Небо в алмазах. Феерия падающих звезд от горизонта до горизонта. Такое бывает только один раз. Жаль, что вы не

видели. Никакая запись не сможет передать того, что творилось на тех небесах... – Шеф, верно, стал не похож на себя, словно воочую наблюдал то, о чем говорил.

– Я был там, – пояснил он, в ответ настороженному взгляду капитана.

– Все золото, которое я с такими трудами вырвал из солнца, – вскричал капитан, – сгорело в атмосфере, в небе над какой-то страной, которой и координат-то я не знаю!

– Предположим, что сгорело не всё, но кое-что и упало на землю в квадрате между 54 и 52 градусами северной широты и 24 и 31 градусами восточной долготы.

– Ну и зачем, скажите, шеф, мне эти земные координаты? Мне, который имеет дело с Солнцем?

– Имели дело с Солнцем, – жестко поправил шеф, и капитан понял, что к его званию прибавилась приставка «экс». – А координаты, – шеф улыбнулся и, невиданная никогда прежде, улыбка на его лице лишь подтвердила необратимость принятого решения, – полезны хотя бы тем, что указывают на одно из мест на Земле, где нет ковбоев...

– Но шеф, я не могу вот так сразу. Мне бы хотя бы один, в последний раз..! В полет за металлом..! Вы не представляете какое это ощущение...

– Представляю, – в голосе шефа промелькнули нотки сочувствия. – Вот поэтому и советую вам посетить страну с указанными координатами перед тем как начнете подыскивать себе приличный дом престарелых. Красивая природа

умеренных широт, озёра, леса...

– Зачем? – Вопрос капитана прозвучал пронзительно искренне.

– Купите тур по местам падения золотых метеоров и что найдете, всё будет вашим. Только поторопитесь – уже началось что-то вроде золотой лихорадки на современный лад. Заодно, адаптируетесь к новой жизни в поисках вождяленого металла. Завидую. У меня же нет такой возможности. Работа...

– Но как же я? Моя работа...?

– Всё суета. Почитайте на досуге «Екклесиаста». «И возненавидел я весь труд мой, которым трудился под солнцем, потому что должен оставить его человеку, который после меня».

– Не смей мне это цитировать! – Преображение взъярившегося капитана было столь неожиданным, что было видно как шеф в испуге подался назад от монитора. – Я всегда был «над»! Над Солнцем! Ты, возгордившийся червь!!!

Вампи

Я хочу есть. Я определенно хочу есть, но в этом чувстве заключено нечто большее.

На Земле у меня никогда не было подобных ощущений. У меня бывало ощущение того, что в определенной части живота возникало неприятное чувство, когда простой ненаполненности, когда сосущей пустоты. Простое ощущение голода.

То чувство, которое я ощущаю на протяжении уже стольких дней, просто голодом не назовешь. Оно воистину всецело. Это, скорее, ломка, какая бывает у курильщиков, которые вдруг так остались без сигарет, что взять их негде. Бедняги, говорят, от страсти такой доходили до курения сухих коровьих блинов в козьей ножке. Всё, что угодно, лишь бы облегчить мучения.

У меня тоже нечто вроде этого. Мой голод органичен. Он имеет ту природу, которая когда-то побуждала ацтеков к ритуальному каннибализму. Комплексная нехватка протеинов создает чувство голода даже при полном желудке. И не так чтобы их много и нужно - лишь минимально необходимое количество. Однако, без него, этого количества, организм начинает заниматься самоедством в буквальном смысле слова. Организм не получает извне той малой толики, что ему необходима и уподобляется ящерице по кусочкам откусы-

вающей свой хвост, чтобы ценой физических мучений убе-
речься от мук голода.

Моя проблема насквозь этична и в то же время объектив-
на. Я, и не только я, находимся здесь волей обстоятельств.
Те, кто совершает межзвездные перелеты, смогут понять нас
и проявить по отношению к нам должное сочувствие, но и
то, лишь в том случае, если оправдаются ничтожные шансы
на спасение.

Вероятность выбраться отсюда низменная до невероятности.
Надеяться можно только на чудо, но сколько же можно
его эксплуатировать. Здесь мы благодаря целой цепи чудес,
которой оказались прикованы к этому миру.

Чудо, что звездолёт материализовался при искривленном
скачке. Он должен был взорваться, что твоя бомба в не-
счесть сколько мегатонн, чтобы заткнуть искривление... Это
физика. Закон сохранения энергии... Наше чудо оказалось
в том, что мы в эту физику как-то не вписались. Наверное,
не открыли еще какое-то исключение, объясняющее данный
феномен.

Там, где мы очутились после материализации, для нас не
было ни координат, ни направлений. Мы очутились в «море
мрака».

Звездолет не пригоден для длительного проживания. Он
предназначен для кратковременных транспортировок через
гиперпространство. Гиперпространственные прыжки стоят
дорого, и масса к ним рассчитывается едва ли не до атомов.

Так что ни особых удобств, ни запасов - один сплошной минимум. Тем более, что везли мы информационные продукты, а от них сытости никакой. Долго бы мы не протянули...

И чудо, что среди этого «моря мрака» оказалась солнечная система в которой крутилась кислородная планета. Еще большим чудом было то, что мы сели на неё...

На этом чудеса, пожалуй, и закончились.

Посадка стоила нам нескольких жизней и самого звездолета.

Напоследок нам повезло, что «приземлились» мы не в местных тропиках, а в умеренном поясе.

Особенности активности здешнего солнца породили уникальные климатические условия с соответствующим метаболизмом местной биосферы. Солнце здесь для землян жестокое. В его лучах такая комбинация жестких излучений, что на прямом свете кожа сразу идет волдырями. Полное обезвоживание организма наступает менее чем за пять минут. Потом— обугливание. Хотя, обычно тело взрывается изнутри от вскипевшей жидкости.

Нет, здесь не особо жарко. Плюс сорок пять- пятьдесят градусов по Цельсию—нормальная дневная температура для лета. По ночам и зимой, соответственно, по прохладнее. При зимних плюс двадцати здесь все живое нахохливается и клацает зубами от холода. Так что в температурном режиме здесь вполне сносно.

Все проблемы от местного солнца. Иногда его можно не

только видеть, но и слышать. Низкий, протяжный, густой гул. Гудит, правда, ионизированный, как северное сияние, воздух, но гул всегда доносится с той стороны, где солнце.

Для землян находиться на открытом воздухе днем— тоже самое, что живьем залезть во включенную микроволновку. Итог будет трагичен. Так что днем нужно прятаться в таких местах куда солнце не заглядывает.

Сутки здесь раза в полтора длиннее земных. До заката можно успеть выспаться.

Днём, даже в скафандре, даром, что там имеется мощный светофильтр, шлаться без толку. Дневной свет такой яркий, что для человеческого глаза он заливает все вокруг словно молоком. «Молоко» повсюду и в нём, в вышине, ярко-белое, похожее на шевелящуюся медузу, солнце. Если светофильтр использовать на полную мощность, то можно ориентироваться как в густом тумане. Но это на крайний случай. Подзарядить скафандр, если сядут аккумуляторы негде. До электричества здесь додумаются нескоро.

Да-да, именно додумаются, потому что в этом мире оказалась разумная жизнь. К сожалению, она оказалась «младшей» по разуму, полной суеверий и религиозного фанатизма, так что от неё приходится скрываться и днем и ночью.

Ночи здесь—нечто особенное.

Две луны, обращающиеся вокруг этого мира имеют абсолютно антагонистические фазы. Если у одной новолуние, то вторая пребывает в состоянии полнолуния. Убывающая фа-

за одной компенсируется растущей фазой другой. Таким образом, ночи здесь всегда освещены равномерно благодаря такому астрономическому явлению. Это влияет, конечно, на количество и длину теней, но не на освещенность.

Стоит сказать, что здешние ночи для глаз землянина с темнотой не связаны никак. По ночам светло как в земной полдень, только отраженный свет, падающий с лун холоден. Но это лишь иллюзия холода. О нем здесь понятие относительное.

Летней ночью температура воздуха здесь чуть меньше сорока, что считается по местным меркам прохладой. Зимой бывают падения температуры до плюс пятнадцати, что воспринимается местными как воистину трескучие морозы.

Ко всему этому никак нельзя пренебречь существующей здесь цивилизацией.

Здесь обитают гуманоиды, достигшие в общественном развитии, если брать земные исторические аналогии, уровня позднего средневековья. По крайней мере, в этих местах. Они уже вовсю пишут картины, изобрели печатный станок и начали обзаводиться огнестрельным оружием. Короче говоря, имеют все предпосылки для ренессанса и реформации. Последняя, кстати, здесь не помешала бы

Я, правда, не очень разбираюсь во всех их культурных особенностях, так как не совсем понимаю их письменность. В её основе лежит иероглифика, а иероглифы даются мне трудновато. Я еще могу прочесть объявления и указы, кото-

рые развешивают тут на столбах, но одолеть местную, в основном богословского содержания, литературу пока не в силах. Хотя, по-моему, пишут они её не на родном языке, а, верно, используют собственную «латынь».

Тем не менее, объявлений и указов, прочитанных мной, вполне хватило, чтобы сделать множество выводов относительно здешнего мироустройства. В целом, они неутешительны. Ксенофобия цветет махровым цветом. Гуманистические идеалы только формируются в зачаточное состояние. Право сильного торжествует повсеместно. Все время идет война.

В этой местности, изобилующей карстовыми пещерами, служащих мне и домом и убежищем, военных действий, как таковых, не ведется. Но война видна потому, что мимо время от времени проходят ватаги вооруженных людей. Лощеные и закованные в броню рыцари, чье достоинство выше того, чтобы опуститься до использования в бою огнестрельного оружия. Разномастные и оборванные наемники, холящие свои аркебузы и пренебрегающие холодным оружием. Королевские гвардейцы в цветастых мундирах с невероятным обилием пуговиц, на которые пристегивают все, что угодно. Говорят, что фехтуют они хуже первых и стреляют хуже вторых, но это не мешает им громить, во славу Его Величества, и тех и других с равным успехом. Прочий, чем попало вооруженный и трудно поддающийся опознанию сброд – то ли что-то вроде ополчения, то ли местный штрафбат, то ли ана-

лог местных казаков.

Все они, проходя, зачастую становятся лагерем на ночлег.

Из расположенных поблизости деревень и местечек в лагерь сразу стекаются торговцы едой и вином, разного рода ремесленники со своими изделиями и предложениями своих услуг, кузнецы с заплечными кузнями, знахари, предсказатели и гадалки, прачки и, естественно, торгующие собственным телом, как женщины, так и мужчины. Вся эта публика рискованна, ведь могут запросто и пограбить и даже убить, но риск того стоит. Тот, кто завтра в бою может расстаться с жизнью, не будет жалеть денег сегодня. Всё так по-человечьи! Просто идеальная картина из земной истории с поправкой на астрономическую специфику. Но не все так просто в этом королевстве.

Мы, люди с Земли, и местные гуманоиды внешне анатомически подобны. Если поставить нас рядом, то, пожалуй, не отличишь. Даже лица у нас не отличаются особенностями. Мы одинаково передвигаемся на двух ногах, берем и держим предметы пятипалыми руками, дышим кислородом.

На этом, пожалуй, наше сходство и заканчивается.

В букетах жестких излучений местного солнца родилась жизнь, основанная на совершенно иных принципах нежели наша. Воистину велика жизнь в своем многообразии!

Метаболизм местных организмов таков, что для разумения землянина подобное вообще, в принципе, не может быть живым. Каково было бы вам, если бы в один прекрасный

день обнаружили, что вдруг ожили, забежав, копченые куры, туши, а скумбрии горячего копчения забили бы хвостами, топорща плавники и жабры?

Я не ксенобиолог и не могу дать объяснений, почему протекают процессы жизнедеятельности в организмах, которые можно охарактеризовать как копчености. Местные гуманоиды фактически представляют собой ходячие прокопченные туши. Они ходят, разговаривают, спят, производят и воспитывают потомство, но при всём этом, простите за цинизм, они готовы к употреблению. К употреблению в гастрономическом смысле слова.

Абориген, он, словно блюдо. Его кожа блестит, словно румяная корочка, окропленная жиром-подливой, а под ней по венам и артериям бежит, даже не верится, что это кровь, наваристый бульон, растворяющийся в сочных мышцах горячего копчения. Все горячее, разогретое и свежее, словно только что с вертела.

Вся беда в том, что «блюдо» это можно употреблять лишь только, когда в нём теплится жизнь. Эта странная, непонятная жизнь.

Мертвые они превращаются в такую отраву, что не пожелать такой отведать и врагу. Настолько тяжелы и необратимы реакции на белок плоти, которую покинула жизнь. Получается, что услуги местной кулинарии нам, землянам, заказаны. Рады бы воспользоваться, но здешняя кухня для нас — лаборатория по изготовлению изощренных ядов. Вот и при-

ходится кушать еду живьем. Чем живее, тем меньше проблем с пищеварением. Приходиться внезапно нападать и кусать. Кусать и пожирать еще живую плоть. Первый кус всегда самый сладкий

Правда, существуют свои тонкости.

Взять, например шерсть, которой покрыты местные животные. Просто насмешка злого рока. Каждый волос это, в принципе живая субстанция, но, во-первых, на вкус редкостная гадость и, во-вторых, волос живой не целиком, какая-то часть его уже омертвела, не говоря уже о полинялых, которых в шерсти более чем достаточно. Что же происходит при употреблении мертвой плоти уже упоминалось.

Несмотря на то, что мы, земляне можем, при желании двигаться так быстро, что за нами не поспевают глаза многих местных существ, мы не всегда отваживаемся нападать на зверье. Нужно быстро добраться до плоти. Это выполнимо, либо если вырвать порядочный клочок шерсти вместе с кожей в том месте, где хочешь укусить, либо распороть так, чтобы шкура свалилась с тела как расстегнутые брюки с ног на пол. Нужно обладать для этого недюжинной силой, чтобы справиться с этим, а заодно и достаточным проворством, чтобы не попасть под когти и зубы. Это грозит, минимум, аллергическими дерматитами, но может обернуться болячками и похуже. Я подобными навыками похвастаться не могу и, так как лысого зверья здесь не водится, мое меню в летнюю пору составляют овощи, фрукты, рыба, а также лягушки, черви,

насекомые и их личинки. Брр...! Однако, шерсть на них не растет.

В тот период, который здесь зовется зимой, приходится кормиться всякими кореньями, да плодами наподобие нашей рябины, в изобилии растущей в здешних лесах. Аборигены ей брезгуют, но на мой вкус вполне удобоварима. В плодах всегда теплится жизнь и их нельзя употреблять разве что сушёными или термически обработанными.

Все бы хорошо, но зимы здесь длинные и ненастные. Зима здесь – это беспрерывно морозящий дождь, в котором дневной свет, проходящий сквозь мириады капель, разлагается на множество радуг. Они, налагаясь друг на друга создают, такую мешанину света и цвета, которые не снились даже отъявленным импрессионистам. Несмотря, всё ж таки, на все эти игры света, зимой вся живность прячется, а корнеплоды и ягоды не слишком сытная пища и постепенно организм начинает требовать протеина. Требовать подсознательным чувством острого голода, от которого ничем нельзя отвлечься.

Остается выбирать между этическими принципами и банальной дистрофией.

За годы, проведенные здесь, в организме уже не осталось ни капли жира. Одни кожа да кости. Ну, не совсем кости, но мышечной массы действительно явный минимум, обеспечивающий нормальное функционирование организма, Если не подкрепиться в ближайшее время, то он начнет поедать сам

себя и будет действительно плохо. У меня уже начались головокружения. Так недалеко и до анорексии.

Как это ни дико, но сила солому ломит и приходится заниматься людоедством, если считать аборигенов людьми. Что ни говори, но они зимой самая доступная пища, тем более, что их тела в большей степени лишены волос, нежели тела землян. Во всяком случае, здешние мужчины избавлены от бриться, а женская алопеция прекрасно вписывается в критерии понятий местной красоты. По большому счету, получается, что мы, земляне, здесь опасные пришельцы. В этом мире мы – вампиры, вынужденные охотиться на аборигенов, чтобы выжить в этом мире

На Земле, помнится, люди, вроде бы живьем едят устриц. Причем делают это не сколько, чтобы утолить голод, поскольку, чтобы удовлетворить собственное тщеславие. Это является, конечно, слабым утешением тем мукам совести, которые терзают рассудок культурного существа, низведенного обстоятельствами до уровня жестокого убийцы, но, тем не менее, всё ж лучше, чем ничего. И на охоту мы выходим лишь тогда, когда здорово прижмет! Никто из нас не стремился попасть в этот мир! Если он нас спас и приютил, то пусть и кормит...

Сегодняшняя ночь оказалась как нельзя подходящей для охоты. На небе по половинке лун. Это лучше чем, если бы полнолуние одной, которая рисунком своей поверхности напоминает Луну. В такие ночи во всю разыгрывается носталь-

гия и хочется выть по-волчьи от тоски. Кажется, что ты дома и ты обычный человек из подлунного мира. Тобой не пугают детей и не травят как дикого зверя.

Мне повезло с местом обитания. Невысокие горы покрытые густым лесом и пронизанные целой сетью карстовых пещер. В этом, созданном природой, лабиринте я прячусь как от дневного света, так и от местных жителей, которые, попадись я им в руки, излишне церемониться со мной не стали бы. Здесь достаточно воды, прохладно и изолированно.

Аборигены, не вынося холода и мрака, считают эти пещеры преддвериями ада. С ними связано множество суеверий и факт моего здесь обитания не явился чем-то чрезвычайным. Одной нечистью больше, одной меньше – без разницы. В силу этого мне не слишком докучают преследованиями. Особенно после облавы, устроенной на меня местным феодалом, во время которой он сам свернул себе шею, провалившись в карстовый колодец вместе с лошадьёю и несколькими легавыми. Кроме этого еще несколько местных борцов с нечистью сгнули в глубинах пещер (один, каюсь, моя заслуга, но другие попросту там замерзли, заблудившись). После всего этого мою персону, вроде бы, оставили в покое. Заложили, правда камнями входы наиболее близкие к населенным пунктам, и по всему предгорью наставили изображений своего религиозного символа.

Я не разбираюсь в тонкостях здешней религии, но я слишком эмоционально воспринимаю эти символы. Если это воз-

можно, стараюсь обходить их стороной. По моему мнению нужно быть ненормальным, чтобы с благоговением взирать на подобную гадость. Хотя, по-своему они правы, чтобы искать в подобном спасение.

Но всё равно нужно держать ушки на макушке, чтобы не проморгать момента, когда за меня возьмутся всерьёз. Не хотелось бы повторить печальную участь некоторых из нас.

Мы, земляне, вынуждены выживать в этом мире по одиночке. Так незаметней и, следовательно, безопасней. Мы стремимся не заходить на территории друг друга, чтобы не увеличивать статистику загадочных смертей и будоражить аборигенов— себе дороже. Двое наших пытались жить семьёй, но из этого получилось лишь три обугленных черепа, экспонаты в кунсткамере местного Ватикана.

Мы поддерживаем друг с другом радиосвязь, которая из-за активности здешнего солнца чудовищна, и изредка собираемся вместе, чтобы вспомнить, кто мы на самом деле, поделиться опытом жизни или просто поплакаться друг другу в жилетку.

Один из наших каким-то чудом устроился личным алхимиком у одного, склонного к ереси, графа из захолустья. Чем он занимается в подземельях графского замка кроме поиска для престарелого вельможи эликсира молодости точно неизвестно, но он каждый раз приносит с собой хорошую бутылку сивухи, выгнанной из местных злаков. Она идет на ура. Так как среди нас большинство мужчины, то можно представить

себе, как со временем становится весело.

Хотя мы выбираем для встреч зимние ночи в самые трескучие морозы и места поглуше, но все равно нас изредка кто-нибудь да видит. Потом по округе долго ходят слухи о шабаше нечистой силы, обрастающие все более живописными подробностями. Следствием этих слухов, как правило, являются экзотические экспедиции, снаряжаемые местными епископами. После того, что они там совершают, у нас совершенно отпадает охота посетить это место вновь. Действительно, кому-нибудь, вроде местного Лютера или Кальвина, объявиться в этой цивилизации не помешало бы. Хотя бы поотменяли эти мерзкие религиозные символы и гадкое действие таинства причащения.

Только любая палка всегда о двух концах и никто не даст гарантии, что не возникнет такого явления как тотальная охота на ведьм, которая в наибольшей степени свирепствовала именно в странах, где победу одержала реформация. Немцы, например, увлекшись, сожгли на кострах, заодно с «ведьмами», столько своих красивых женщин, что это не замедлило сказаться на наследственности. Настолько сказалось, что фраза: « Вы так красивы, что просто удивительно, что вы немка!» расценивается как комплимент.

Отчего же меня так волнует вопрос охоты на ведьм..?

Неужели еще не догадались, что я— женщина!

Быть женщиной – нелёгкая доля. Говорят, что женщины куда выносливее мужчин. Однако, какой прикажете быть,

чтобы их выносить!?! Все мужчины, и здешние не исключение, одинаковы.

Правда, в данных условиях, от них какой-никакой прок есть, если рассматривать глагол «есть» в гастрономической ипостаси. Что ж поделаться? Там, на Земле, философ Иоганн Фихте, определяя предназначение человека, изрёк: «Я есть, потому что я есть!»

Просто, как всё гениальное!

Конкретно к настоящим условиям, осмелюсь добавить от себя для парафразы: «Я есть, потому что я есть и поэтому надо есть!» И есть действительно надо, как и быть!

Что, вернее, кто сегодня в меню?

Сегодняшний день потенциально удачный для охоты. В долине стал лагерем рыцарский отряд. Не очень, правда, хорошо, что все они отнюдь немолоды. Не первой, так сказать, свежести. Из свежести только напускной лоск. Внутри же... С гармонией и здесь проблемы. Как и везде, мере хорошего сопутствуют несколько мер плохого. Лоск, лоском... Эти плюмажи, блеск надраенных лат, оружия, пуговиц и пряжек... И гигиену они соблюдают... Но староваты они, староваты. После определенного возраста мужское мясо начинает отдавать аммиаком, и чем старше, тем зловоннее.

Наемники и гвардейцы, те помоложе, но и те и другие пренебрегают гигиеной до педикулеза, чесотки и фурункулов.

В обоих случаях приходится перебирать.

Рыцарский лагерь ещё не спит. Зимой «темнеет» рано.

Моросит меленький, прохладный дождик—по местным понятиям «снегопад». Шатры разбиты в строгом порядке на равном удалении друг от друга. Горят костры. Дерево здесь пропитано смолой, по качеству не уступающей напалму, и горит ярко, как вольтова дуга. На фоне костров люди как тени. На огонь лучше не смотреть— слёзы градом.

Иду опустив глаза долу.

В лагере вечерняя суэта. У костров теснятся закутанные в шубы люди—это рыцарские слуги, конюхи, оруженосцы, все, кому нет хода в рыцарский шатер. Среди них совсем нет молодежи. Все уже пожившие и менее аккуратные, нежели их хозяева.

Фыркают и хрупают овсом стреноженные кони с сумами на мордах.

По лагерю бродят разные типы с меркантильными интересами. Среди них и я. Изображаю падшую женщину, торгующую телом. Проще говоря, проститутку.

Здесь снует народ из разных деревень и местечек, достаточно удаленных друг от друга, чтобы не опасаться быть принятой за чужую. В «темноте», под лунным светом, в «неярких» отблесках костров да еще в зимней одежке вполне удастся сохранять своё инкогнито.

Шуба надета на голое тело, но всё равно жарко. Идти приходится медленно, плавно, подстраиваясь под движения аборигенов. Мои нормальные движения раза в два быстрее, чем самые резкие любого из них.

Хорошо, что идет дождь. Он сбивает запах, идущий от тел. С непривычки может и вывернуть. Аромат прогорклого жира и еще чего-то с душком мало кому придется по вкусу.

Стараюсь подойти как можно ближе к шатрам.

Зачастую мне швыряют мелкую монету, чтобы я убиралась и не маячила, иногда просто гонят прочь рыцарские пажи, которые, под стать своим хозяевам, тоже не первой молодости. Эти пусть гонят, но кто-то же в эту ночь подзовет меня к пологу шатра на предмет торга. Поторговаться есть за что. Во-первых, я, по местным меркам, красавица, хотя и бледновата. Во-вторых, умею себя подать. Стриптиз здесь еще не изобрели и потому я могу дать фору любой из местных гейш. В-третьих, деньги нужны всем, даже таким «вурдалакам» как я.

– Эй, дорогуша!– Это адресовано мне.

Окликнувший меня не слишком молод, но есть надежда, что его господин будет помоложе. Могу поспорить, что окликнул он меня не для себя. Бравый «парень» стоит у полуоткинутого полога шатра с ослепительным факелом в руке. В своих кожаных, мехом внутрь, непромокаемых одеждах он похож на авиатора эпохи братьев Райт.

– Подойди сюда, – манит он меня к себе свободной рукой, облаченной в кожаную рукавицу.

Я послушно иду на зов.

Пламя факела как электросварка. Глаза, поэтому, долу. Хотя и не только поэтому. И приличия соблюдены, и глаза

не страдают – двойная польза. Жаль, что здесь не принято закрывать женщинам лица паранджой. Никогда бы не подумала прежде, что о подобном можно сожалеть.

– Сколько? – пожилой паж лаконичен и деловит.

Я думаю, что он прекрасно знает тарифы, но намерен поторговаться, чтобы урвать крошку и себе.

Плохи дела у здешнего рыцарства, коли так побираются их слуги. Что ж поделаться, законы истории неумолимы и здесь. Процесс централизации монаршей власти в отдельно взятой стране не терпит ни космополитизма, ни юридического иммунитета рыцарского сословия. Рыцарская же гордость не допускает никаких компромиссов. Рыцарство пошло против ветра истории, который уносит его в небытие.

Сносу в небытие здорово пособляет такая новинка как огнестрельное оружие. Благодаря ему всякая дворянская мелочь подалась в королевские гвардейцы, а местные Робин Гуды легализовались в наемников. И тем и другим король предоставляет оплачиваемое занятие по душе – раскулачивать ставшее на пути исторического прогресса рыцарское сословие. Рыцари сопротивляются как могут, но их дело неуклонно идет к проигрышу. Среди них уж почти нет молодежи. Молодых повыбили в боях. Не в тех боях, к которым их готовили с самого детства. Старых вояк еще спасает интуиция, наработанная за время боевой жизни. У молодых же не было и той жизни, чтобы хотя бы научиться распознавать смерть в иных ипостасях, нежели в тех, которые до сих

пор олицетворяли лишь острие и клинок. Они пали жертвой неведения того, что наступили новые времена. Прежнее поколение не знало таких быстрых перемен и готовило себе смену в рамках старых традиций. Результат – рыцарство лишилось преемственности и сейчас просто дерется до конца, стремясь подороже продать свою погибель.

– Ты оглохла? Сколько? – нетерпеливо переспрашивает паж.

Я называю цену.

– Дорого. Сбавь маленько.

Он намерен торговаться. Что ж, поторгуюсь. Цена все равно малость завышена.

Паж не промах и предлагает едва ли не половину минимальной цены.

– У меня все таки две ноги, а не четыре, – искренне возмущаюсь я и назначаю свою. На этот раз возмущается паж:

– У тебя там что? Врата в райские кущи?

Он не представляет, насколько он прозорлив.

Я настаиваю на своем. Он все равно тратит не свое и унаследует большую часть имущества господина, которому сейчас так бойко выторговывает погибель.

– Соглашайся, дорогуша! Это достойная плата всего за четверть часа.

Такое предложение меня озадачивает. Торг всегда шел за ночь.

– Четверть часа – не на ночь же, – продолжает торговаться

бравый молодец.

– Ты хочешь сказать...? – осеняет меня догадка.

– Да, дорогуша, я прошу для себя. И заработаешь, и комфорт рыцарский, и ночь будет свободна.

Я озадаченно молчу. Как низко пали нравы в этом королевстве.

– Ну, что молчишь, дура!? Или я кликну другую.

– Четверть часа? – Обретаю я дар речи. – Хорошо. Но если нас застанут? У господ рыцарей крутой нрав.

– Не застанут, – уверяет паж. – Господин на военном совете. Это надолго. Поверь моему слову.

– С каких это пор можно верить слову неблагородного?

– Не дерзи, дорогуша. Слуга, отдавший жизнь за своего господина, считается благородным.

– Никогда не пробовала с покойником, – подначиваю я его.

– Поверь, уж недолго осталось, – паж совершенно не обращает внимания на мою колкость. Нас обложили со всех сторон. Никаких шансов... Господа рыцари совещаются, как подороже продать свои жизни. Завтра мы идем на смерть.

– Мы? – я стараюсь, но в интонации вопроса все равно звучат нотки иронии. Никак не могу уяснить себе, что до той поры, когда здесь женщину будут считать более менее человеком, должно пройти несколько веков.

– Если ты не заткнешься, я изуродую тебе лицо! – Кинжал, блеснувший в его руке, под стать сверканию гнева в его

глазах. – Меня посветят в рыцари на рассвете, но это, шлюха, не твое дело. Так ты идешь со мной?

Кинжал исчез. Вместо него в руке блещут монеты. Я согласно киваю, и монеты с легким звоном сыпаются мне в ладонь.

Да уж, действительно, плохи их дела, если оруженосец ведет гулящую девку в шатер своего господина. Насколько я разбираюсь в местных обычаях, ему, по рангу, дозволено спать лишь на пороге, да и то не всегда внутри.

Бедняга, его угораздило родиться благодаря праву первой ночи. Из-за этого его до седых волос продержали в пажих-оруженосцах и возведут в долгожданный рыцарский сан лишь потому, что понадобились смертники, которые не разбегутся, когда станет действительно горячо. Расчет циничен и верен. Человек, который долго ждал и дождался, какое-то время совершенно перестает себя беречь. Однако, этот «мальчик-паж» решил урвать блага своего грядущего рыцарства авансом. Чтобы загодя примерить на себя рыцарское достоинство одного себя недостаточно.

Я проскальзываю внутрь шатра. Здесь освещение – лишь две лампадки, которые горят, как бенгальские огни. По местным понятиям – интимный сумрак. Тем лучше для меня: я все вижу, а меня не совсем.

Великовозрастный паж оставил факел снаружи, воткнув в землю перед порогом, чтобы не беспокоили. Он вглядывается в меня, пытается рассмотреть, но для него темновато.

В шатре – истинное логово мужчины. Причиндалы походного быта свалены в несколько куч. На первый взгляд беспорядок, но каждая куча строго функциональна. В этой куче одежда, в другой лошадиные седла, попоны и сбруя, в третьей вроде бы утварь, скатерти, полотенца. Лишь оружие и доспехи, аккуратно зачехленные, разложены в строго регламентированном порядке, с правой стороны от входа.

Жители этой планеты, как и земляне, в подавляющем большинстве – правши.

Походное рыцарское ложе скромно. Шкура мохнатого быка, застланная рогожей, которая одновременно может служить и простыню и одеялом.

Ото всего этого идет тяжелый дух... Мужчины...

– Ну, что же ты? – вопрошает оруженосец, – раздевайся! В голосе почти мольба. Он скачет на одной ноге, сбрасывая с другой сапог. Я рывком скидываю с себя шубу. Под ней ничего. Лишь пара туфель и тканые чулки чуть выше колен.

– О-о-о! – вырывается из груди пажа. Приятно слышать о себе такие отзывы.

– Задууй лампадки-то, – говорю я ледяным голосом, почти приказываю. Он спешит это выполнить, что как нельзя кстати. Пусть убавит свет. Иначе, если будет достаточно долго на меня пялиться, то сможет, несмотря на все свое возбуждение, разглядеть во мне кое-какие странности. Еще неизвестно, как отреагирует. Хорошо, если оцепенеет. Но может попытаться напасть или, того хуже, заголосить на всю округу.

Ни того, ни другого не хотелось бы.

Я всего лишь женщина в стесненных обстоятельствах.

Благо, на сей раз все проходит гладко. В шатре почти мрак. Для оруженосца – непроглядная темень. Он стоит голый и возбужденный посреди шатра. Руки раскинуты, как у птицы крылья – ищет меня.

– Ты где? – почти шепотом зовет он.

– Здесь, – также шепотом отвечаю я и подхожу к нему вплотную.

Мои движения быстры и стремительны. Если бы он меня видел, то воспринял бы так, словно я пропала вдали и возникла вблизи. Я прикасаюсь к нему, и он вскрикивает. Мои прикосновения для него холодны как лед, которого здесь никогда не бывает. Он инстинктивно пытается отстраниться, но уже поздно. Я вгрызаюсь в его шею и начинаю жадно глотать его кровь, которая, пульсируя, бьет из раны. У меня хватает сил, чтобы пресечь все его попытки вырваться на волю.

Первый глоток лишь на краткий миг показался упоительным и сладким, а потом все пошло комом.

У них тоже есть резус-факторы крови, и у этого парня он оказался отрицательным. Надо же, мне попался раритет. На вкус же он оказался чем-то навроде того, как если бы настроиться на пищу хорошо проперченную и с хрустящей корочкой и укусить... А под этой корочкой – пресное сырое тесто. Полное разочарование вперемежку с отвращением. А выплюнуть нельзя, ни в коем случае нельзя. Я перетерплю!..

Но что это!?! Откуда это он взял!?!

Собрав последние остатки сил, оруженосец как-то извернулся и теперь тычет мне прямо в лицо своим мерзким религиозным символом.

Их пророк во время одного из своих походов усмирив ропот голодной толпы последователей, выкинув следующий фортель. Он публично испражнился себе в рот, казав пример, как решать пустячные проблемы самим, а не беспокоить Всевышнего, клянча у него чудес по мелочам. Как бы то ни было, но теперь это действие лежит в основе отправления принятого здесь религиозного культа. Своеобразный путь спасения. Радикальный. Не убийственный. И на редкость гадостный. Словно в насмешку над обстоятельствами, сделавшими нас, землян, вурдалаками этого мира.

Фигурка пророка, изогнувшегося так, что он напоминает ящерицу, пожирающую собственный хвост. Кажется, этот символ заполонил весь мир. Его можно увидеть едва ли не на каждом перекрестке, на стенах и на крышах. Эти фигурки болтаются на шнурках и на цепочках на каждой шее.

И моя жертва теперь тычет ею мне прямо в лицо. Он же должен был снять его с себя перед грехом! Не снял... Слишком спешил согрешить.

Я тоже не доглядела. Мерзость! Это выше моих сил! Он уже мертв. Жизнь из него ушла. Я отпускаю его мертвую плоть, и она валиться как куль.

Его жизнь, отнятая мною, во мне не держится. Меня на-

чинает выворачивать наизнанку, и я ничего с собой не могу поделать. Гадость! Во истину языческий рвотный символ. Их духовники годами тренируются, чтобы проделывать этот трюк. Местные от вида этого действия впадают в экстаз. Меня же рвет, рвет неудержимо и беспощадно. Судороги сотрясают мое тело, а сознание завлакивает глубокое, как омут, чувство стыда.

Поцелуй на прощание

Шершень привык брать своё. С тех пор, как он в четырнадцать отобрал у пьяницы-отца зарплату, которую тот всё равно пропил бы, и, таким образом, взял полагающееся себе. Он подкараулил его в компании ещё двоих выпивох на аллее, обрамленной зарослями туи, которая вела в одно из местечек, где можно было бы спокойно предаться возлияниям, не опасаясь милицейского патруля, и выпрыгнул из них, словно кошка, с пронзительным визгом. Троица, уже предварительно нагазованная перед основным выпивомом, отметившим бы акт получки, и не ожидавшая ничего подобного, лишь выпучила три пары глаз, в которые тут же сыпанули солью. Кристаллы крупной серой соли, шесть копеек за пачку, миг превратила отца и его собутыльников в подобие слепых котят. Пока они, матюгаясь терли глаза, обливаясь воистину горькими слезами, Роман ловко чиркнул лезвием «Нева», вспоров нагрудный карман рубашки, в котором папахи обычно доносил до семьи жалкие остатки получки или аванса, выхватил стопку сложенных вдвое разноцветных бумажек, и был таков

Тогда он вдоволь наелся недоступных доселе шоколадных конфет и даже хотел купить вожделенный велосипед, но злой и костлявый дядька-продавец схватил его за руку и грозя позвать милицию стал допытываться откуда у него, сопляка,

такие деньги. Потом он взвыл от прокушенной в кровь ладони, пахнувшей дешевым одеколоном, а Роман задал из магазина стрекача.

Он бежал, тогда ещё простой мальчик, по имени Рома, стискивая в кулаке деньги, и вдруг как-то понял, как важно и нужно быть сильным, чтобы получить и отстоять то, что положено тебе. Во рту тогда он ощущал солоноватый вкус крови и вкус этот впредь начинал ощущаться им, когда он видел что-либо ещё не принадлежащее, но причитающееся ему, и вопрос обладания этим был лишь вопросом скорого времени. Шершень в такие моменты становился подобен акуле, которая ощутив вкус и запах какой-то мизерной частицы крови ринется за многие мили морского пространства за добычей и ничто не может стать ей преградой. Вещью ли, человеком ли—теперь он мог позволить себе обладать ими, потому что он стал сильным и опасным. Сильный не ждет ни дозвола, ни очереди—сильный берет и отбирает. Лишения—удел слабых и малохольных.

Сильнее или равного себе Шершень, по крайней мере на своей территории, уже не встречал давно. Может судьба и схлестывала его с теми, кто был и посильнее, но они шли напролом, не учитывая его коварства, чем он особенно был опасен. В результате, ценой черепов, оставшихся от нескольких буйных голов, он получил репутацию того, кого лучше не трогать и кличку Шершень.

Кроме как Шершень, в известных кругах он был известен

кое-кому как Берия, а кое-кому как Негоро.

Берия – потому что очень любил красивых женщин, точнее насилловать их, предварительно вколов им хорошую дозу кое-чего, что обеспечивало жертве кайф в процессе и жуткую головную боль с какой-то кашей неправдоподобных воспоминаний впоследствии. Похитить на несколько часов приглянувшуюся красотку, которую он обычно пользовал тут же на сиденьях за тонированными стеклами движущегося джипа или лимузина – это было для него развлечением и игрой одновременно.

Его развлекало, что он на какое-то время становился полновластным секс-господином над телом очередной женщины и никакие физиологические аспекты не могли остановить его сиесту. Игрой было то, что надо было уложиться вовремя пока смеющаяся и что-то бессвязно лопочущая нимфа не превратилась бы в жалкое существо терзаемое ужасной мигренью со слезами, стонами и рвотными позывами, от которого нужно поскорее избавиться, высадив где-нибудь в месте помалоллюдней. Ширево, в дозировках, используемых для подобных утех, не могло привести к летальным последствиям и поэтому еще одним элементом игры становилась вероятность повторной встречи с уже побывавшей в его власти. Пока такого не случалось. В большом городе случайные встречи повторно настолько же редки, насколько выигрыш в рулетку с одной ставки.

Спалиться он не беспокоился. Хотя о его манерах удовле-

творять похоть и ходили вполне резонные слухи, но явных улик о себе ни в женщинах ни на женщинах он не оставлял.

Негоро же прозвали его потому, что промышляя торговлей живым товаром, он как-то наторговал и завёз из Нигерии на пробу с десятков черных, как эбен, девиц для секс утех. Это был скорее эксперимент, убедивший его в том, что слишком экзотический товар не всегда нарасхват. Тем более что девицы оказались все как одна с уголовными ухватками и, зачастую, вместо услуги клиента, предпочитали его ограбить, а при этом кровь пустить – не считали чем-либо зазорным.

Основная же специализация Шершня был экспорт сексрабынь. Арабы, турки и Западная Европа с распростертыми объятиями ждала его товара по сходной цене за голову.

Доходы росли, а для закона, благодаря его же жесткости, а также используемой во благо себе свойств врожденной женской глупости, Шершень был недосыгаем. Отработанные технологии обмана позволяли так обвести вокруг пальца любую молодую дурочку, а подчас далеко не дурочку, что весь процесс работорговли выглядел как нельзя легально. Подкопаться было попросту невозможно. Шершень мог позволить брать себе всё, что хотел.

Для исключительных случаев с женщинами, когда могли возникнуть реальные сложности, существовало жесткое правило: «нет трупа—нет преступления».

На его совести уже было две загубленные таким образом

души. Женщины, которых он подолгу держал взаперти, в подобии золотой клетки, только для себя . Он же и лишал их жизни, когда они становились совершенно непохожими на тех женщин, которые когда-то вскружили ему голову, заставив ощутить азартный, акулий привкус крови.

Намечалась третья.

Шершень увидел её и тотчас же ощутил во рту будоражащий солоноватый привкус.

Моё!—Был неотвратимый и вердикт и приговор по отношению к ней. Именно «моё», а не «моя». С этого мгновения она, даже не подозревая этого, принадлежала только ему. Вопрос физического обладания ею был лишь делом технических трудностей.

Женщина воистину была хороша. Сказать, что она просто была прекрасна, означало бы ничего не сказать. Тонкий стан, водопады платиновых волос, обрамлявшие прелестное лицо с чуть вздёрнутым, идеального профиля носиком и бездонные как озера в окружении зарослей пушистых ресниц миндалевидные, изумрудно зеленые глаза. Плавность телесных линий и точеная форма ног и пальцев были совершенством. Вечернее платье с раскованными вырезами лишь подчеркивало всё её совершенств , выполняя роль оправы этого драгоценного бриллианта.

И ключицы! Изыщные, тонкие, с неуловимой игрой светотеней...

Что делал рядом с ней тот долговязый хлыщ, о внешне-

сти которого, можно было сказать «кожа да кости»? Рядом с ней должен быть только он, Роман-Шершень, потому что она была уже его собственностью, едва увидел её.

Его парни знали, как подобраться к даме, приглянувшейся главарю, – не впервой.

Ночной клуб, где Шершня хватил столбняк от вида женских достоинств, был местом как нельзя подходящим для того чтобы разыграть сцену подвыпившего ловеласа, настойчиво предлагающего даме свои услуги. За то время, когда «ловеласа» общими усилиями отваживали кавалер и охрана, в бокал, из которого дама попивала красное вино, была выпана хорошая доза кое-какой дряни. Оставалось лишь перехватить красавицу у дверей дамской комнаты и, когда той стало действительно плохо, как бы сделать звонок доброго самаритянина, на который, сияя проблесковыми маячками, удивительно быстро примчалась неотложка.

Пока дылда хватился своей пропажи, женщину уже внесли на носилках в салон микроавтобуса. Все его попытки сопроводить свою спутницу в машине были пресечены ссылками на запрещающие инструкции о перевозке посторонних лиц в салоне спецтранспорта. Естественно, никто не стал ожидать, когда он заведет остывший на морозе двигатель своего автомобиля. Когда же он смог стронуться с места, неотложки и след простыл.

Был самый разгар морозной, зимней ночи. Колючий ветер гнал по земле поземку, закручивая спирали вихрей. Да-

же погода, как нельзя подходящая для похищения и бегства, была сегодня на стороне злодея. Путь был за город, в личный особняк Шершня, по виду похожий на замок, исполненный в готическом стиле. Его размеры, площадь и планировка полностью учитывали все пожелания владельца в соответствии с размерами взяток, которые были розданы соответствующим людям для получения соответствующих разрешений и закрытие глаз. Шершень любил красоту музыки в камне и мог позволить себе наслаждаться ею в личном обладании.

Высоченный кирпичный забор с металлическим лесом пик, оплетенных стальными, вычурными кружевами скрывал подробности красоты строения от посторонних глаз. Место было выбрано так, что полностью разглядеть это архитектурное творение можно было разве, что с вертолета.

Когда прибыли на место, бесчувственную женщину усадили в кресло каталку, которую Шершень собственноручно покати́л в одно, лишь ему известное в этом особняке, место.

Женщина пришла в себя к вечеру.

Солнце садилось. Розовые предзакатные лучи проникали сквозь сводчатую изразцовую крышу, изображавшую кущи эдемского сада. Для Шершня это помещение его особняка, куда прочим, кроме глухонемой горничной, доступ был закрыт, служило как бы парадизом собственного производства.

Женщина непонимающе огляделась, попыталась встать и

обнаружила, что пристегнута за запястья и лодыжки к своему ложу прочными ремнями.

–Что происходит?– спросила она со спокойствием, которого Шершень, исходя из прошлого опыта, никак не ожидал от нее.

Он был готов к истерике, к виду конвульсивных движений в тщетных попытках освободиться от пут, к угрозам, к слезам с мольбами отпустить, не трогать, но не такого холодного спокойствия.

–Как бы тебе сказать, дорогая?– Шершень замялся. Её красота до сих пор действовала на него сногсшибательно. – Одним словом, ты мне понравилась. Очень...

Он почувствовал как быстро забилося его сердце.

–Я думала, что нужно хотя бы попытаться понравиться в ответ, прежде чем похищать женщин.

Женщин!?! Откуда она знает? Мелькнула у Шершня тревожная мысль. Спустя мгновение он её отбросил прочь. Ну и что из того? В этом для него нет ничего страшного. Что она сделает?

Она лежала на роскошном ложе особой конструкции, предназначенном для особых плотских утех. Повинуясь сигналам пульта дистанционного управления, эта постель могла сделать многое, – от различного рода вибраций и качаний, до придания телу, зафиксированного на нем специальными ремнями-застёжками, необходимой позы.

Одежды на ней не было. Прикрытая только легким шел-

ковым, сиреневым покрывалом, она была доступна и недосыгаема одновременно.

Шершень включил освещение. Нити ламп, стилизованных под канделябры светильников, накалялись постепенно, по мере убывания света заходящего солнца и от этого игра светотеней на складках шелка обливавшего обнаженное женское тело, завораживала своей непредсказуемостью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.